

СМЕХ СМЕХУ — РОЗНЬ

Множество юмористических произведений в поразительно похожих друг на друга разделах юмора в периодике, а также шумные, но уныло-однообразные телевизионные вечера невольно приучают к мысли, что юмор есть нечто специфическое, создаваемое *нарочно*, причем литераторами особого склада — «сатириками-юмористами». Но есть и другой юмор. Это юмор настоящей прозы, о чем уже шла речь в статье «Болотные огни».

Видоизменения юмора, свершающиеся нынче, — предмет особого разговора, но несомненно, что здоровый народный смех не исчез в литературе, и лучшие образцы прозы последнего десятилетия укрепляют в этом наблюдении. Это в первую очередь поистине безбрежная стихия комического в творчестве Василия Шукшина; очень житейский и вместе, я бы сказал, хитроинтеллектуальный юмор Евгения Носова (взять хотя бы повесть «И уплывают пароходы, и остаются берега...»); на редкость органичная, земная и совсем уж не самоцельная усмешка Валентина Распутина. В этот ряд естественно входит и проза Василия Белова. И то, что под назва-

нием книги «Целуются зори»¹ автор обозначил ее юмористическую принадлежность, кажется известной натяжкой, быть может, данью привычке. Ведь «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» содержат не меньше комического, чем произведения этого сборника, в котором, с другой стороны, есть и такие, скорее грустные, чем смешные, вещи, как «Гриша Фунт». Но — воля автора, и наше дело понять, что объединяет сборник.

Отношение писателя к своим героям простирается от доброй усмешки до едкого отрицания. Так, шофер и два грузчика (рассказ «В дороге») неодинаково относятся к тем, кого подвозят за долгий летний день на сельских дорогах. «Толстую женщину с плетеной корзиной», которая мечется по селам, чтоб купить поросенка, эти, не слишком-то благонаправные, ребята не считают за грех обмануть: «раскрутить» на две четвертинки и вместо живых поросят предложить ей плакат с изображением «веселого поросычьего рыльца». Иное дело старушка, опоздавшая на автобус. Машина сама остановилась перед ней, а пришло время рассчитываться, шофер «заломил» с нее невесть сколько и с пятерки и рубля дал ей «сдачу» — две трешницы, так что бабушка в расстройстве и не попяла бескорыстия парня: «Омманул, прохвост, омманул!»

Одно дело для писателя — Гриша Фунт из одноименного рассказа, что «вернулся с войны с искалеченной левой рукой и теперь ходил

---

¹ Белов В. Целуются зори... М., «Молодая гвардия», 1975.

по деревьям с паяльником, чтобы прокормить своих кровных». Комизм этого рассказа не отрицающего, а утверждающего свойства. Улыбка Гриши, так же как и его работа, нужны людям. Недаром его всегда окружают дети, видя в нем друга.

Другое дело — Ерш («Рыбацкая байка. Современный вариант сказки про Ерша Ершовича»). Здесь с блеском раскрывается талант Белова-сатирика. Герой сказки «физического труда недолюбливал», но власти и сладкой жизни желал непременно. Добиться этого, как он правильно понимал, можно лишь в мутной воде; скандалы устраивать он был большой охотник и мастер. В озере, где только что униженно просил у лещей дозволить ему переночевать, принялся он наводить порядок. Рака пообещал «привлечь» за то, что назад пятится, Карася оскорбил — и добился своего — скандала. А когда рыба «сгрудилась» на шум, принялся учить: «Все ваше озеро — не озеро! Лужа поганая, одне колы! Культуры не знаете, только бы брюхо пабить». Ну, а далее, как по плану, культурную революцию устроил, перессорил ленивых обитателей озера, одному на другого, второму на третьего насплетничал... и все озеро пошло ходуном», «мутъ со дна поднялась, ничего не видать». А ведь только того и надо, чтобы «ничего не видать» — можно и к власти. Уже робко просят вчерашние хозяева «товарища Щетинникова» пустить их на струю. А у Щетинникова с ними разговор короткий: «Это с какого голоса поешь?» Уже ни суда на него нет, ни управы — укоренился, доказал, что «старожил», только «документы сторели»...

Грустная сказка! Она метко бьет и в тех, кому не дает покоя чистая вода, и в тех, кто не может оградить свою чистую воду от таких Ершей Ершовичей.

В сказке с замечательной силой проявилось языковое мастерство писателя. Самоцветная стихия русской изустной речи, традиции фольклора живут в сказке в смелых поворотах современной темы. «Рыба Нельма лежит в ростяг. Керосину в канаве назобалась, вся угорела». А вот портрет главного героя: «Плут такой — из воды выходит сухим. Голова большая, брюхо круглое. Он фулиганил сперва возле берега. Осмелел и давай шастать по всей Уфтьюге. Ребятишек наплодил видимо-невидимо».

Яркостью необычной формы, меткостью сатирического прицела «Рыбацкая байка» выделяется среди добротных, но более «обычных» рассказов книги, как «Старый и малый», «Письмо», «Диалог», «У переезда». Эти короткие произведения даже и не рассказы в точном смысле этого слова, а зарисовки, очерки, были, произведения, созданные по своим законам, идущие нередко в традициях Лескова, Чехова. В них мгновенным и точным взглядом художника запечатлеваются люди в своей среде, как бы на мгновение остановившиеся, чтобы показаться нам и исчезнуть, — короткие, по познавательные встречи.

Повесть «Целуются зори» сюжетом своим водевильна, ситуации ее почти невероятны. Но было бы странно требовать от писателя приверженности лишь к бытовой достоверности. Невероятные похождения трех колхозников в городе были бы глупы, если бы за ними ничего не стояло. А скрывается за нелепостью

ситуаций немало. Чего стоит зять одного из героев — Стас, завсегдатай пивных и ресторанов, со своими дурацкими «так?», «понял?», «да?». Сатирическая направленность этого образа — против самообезличивания человека. Хороший Стас или плохой, злой или добрый, глупый или умный — мы не знаем этого, да и он сам, поди, не знает. Человек без основы, и бог ведает, кем он был и кем мог быть. Разве мало мы сталкиваемся со Стасами? Этот или подобный тип у Шукшина мучается, вернее, Шукшин показал бы его муки, неленые выверты какие-нибудь, тоску... У Белова многое остается «за кадром». Вообще, в этом произведении все живет скорее по драматическим, нежели по прозаическим законам, — все просторно, скупо, графично. Персонажи контурны, как, например, духовная сестра Стаса — Фаинка, добрая и потерянная девушка, живущая по тем же неестественным, унижительным законам шапочной дружбы, шапочной любви. Как удалось Белову, в сущности, не говоря об этом, очень зримо раскрыть такую жизнь, когда человек словно не останавливается никогда, не присаживается, а носится, как микроб в капле, то и дело сталкиваясь и размыкаясь с себе подобными?

Эта повесть еще доказала разнохарактерность, многогранность дара писателя. Ведь и в водевильно построенных ситуациях (не говоря уж о серьезном психологизме и социальной точности таких образов, как Стас или дантист) столько живого юмора, что и внешний, поверхностный пласт произведения доставит немало удовольствия читателю или зрителю. Чего стоит хоть паивная попытка

Егоровича попроситься переночевать в одну из квартир многоэтажного городского дома: «А что, Николай Иванович, везде свои люди-то. Ежели у кого ночевать попроситься? Ведь, к примеру, окажись кто у нас в деревце, разве бы мы не пустили ночевать? У меня вон этот... студент четыре ночи ночевал, который иконы-то искал. Опять же люди мы не какие-нибудь, в бане мылись недавно... не воры никакие».

Книга Василия Белова — нетрудно в этом убедиться — никакой не чистый «юмор», а сборник настоящей прозы, вобравшей разные по жанрам, по материалу, по звучанию (порой и по исполнению) произведения. Объединяет их цельность писательского отношения к людям — вера в них.